

«Одинокий голос человека» из «страны тысячи холмов¹»

Комментарий к этой книге является для меня, наверное, самым тяжелым текстом, который я когда-либо писал. Эта книга – развернутая на фоне трагических и драматичных событий новейшей истории Руанды автобиография руандийского музыканта Кизито Михиго. Сами описываемые в книге события являются одним из самых трагических эпизодов новейшей истории человечества. Центральный эпизод – это геноцид 1994 года, когда сотни тысяч (по некоторым данным - до 900000) тутси были убиты своими соотечественниками, говорящими с ними на одном языке и живущими по соседству сотни лет. Понятно, что эта трагедия являлась итогом многих драматичных событий, ей предшествовавших, а последствия ее длятся существенно дольше, чем сто дней, в которые вместились самые страшные ее страницы. Сегодняшние реалии Руанды – это и отмена смертной казни, успехи в экономике (рост ВВП более 6%), образовании и медицине, стремление избежать противопоставления тутси и хуту во всех сферах социально-политической жизни, но и большое количество эмигрантов и беженцев, эмиграция политической оппозиции, продление президентских сроков, отсутствие полифонии мнений, о которой пишет Михиго². Конечно, на фоне событий геноцида – сегодняшняя Руанда значительно безопаснее и благополучнее, но проблемы «своих» и «чужих», связанные с гибелью тысяч людей, не могут исчезнуть быстро. И в центре этих исторических реалий мы видим трагическую судьбу руандийского музыканта, гражданского активиста, религиозного мыслителя Кизито Михиго. После прихода к власти РНФ (военная организация тутси, а затем политическая партия) он превратился из беженца-тутси, потерявшего во время геноцида отца, в популярного, признанного публикой и властями, музыканта с европейским образованием и христианским религиозным мировоззрением, а затем в диссидента, изгоя, заключенного, объявленного врагом руандийского народа. История его жизни читается особенно трагически на фоне его гибели, причем официальная версия (самоубийство в заключении), пожалуй, еще более трагична, чем версия оппозиции (убийство) – если это было самоубийство, то остается только с ужасом догадываться, что могло привести к этому столь религиозного человека.

События, изложенные в книге – это, конечно, лишь один взгляд на происходящее. При таких сложных трагических катаклизмах у разных акторов событий могут быть свои «правды». Люди, виновные в убийствах, пытках, изнасилованиях должны наказываться и

¹ «Страна тысячи холмов» - романтическое название Руанды.

² «Права человека, фундаментальные свободы и правовое государство всегда будут мифами в Африке, пока действующая власть будет считать диссонирующие голоса препятствием, а не возможностью демократии.» (с. 197-198)

человеческим судом, а не только призываться к религиозному покаянию, но и безопасность и покаяние основанные на принуждении и страхе без взаимной искренности, любви и прощении, к которым призывает Михиго, не позволяют рассчитывать на долгую социальную гармонию. Самое большое сочувствие у меня вызывают хуту, пытавшиеся защитить своих соседей-тутси на фоне массовой истерии ксенофобии и ненависти, и тутси, которые смогли сменить жажду мести на прощение и сочувствие (именно к ним и относится Кизито Михиго). К сожалению, именно судьба таких людей и оказывается часто наиболее трагичной – они воспринимаются как предатели «своих», а их голос остается тем «одиноким голосом человека», о котором по мотивам произведения Андрея Платонова снимал свой фильм режиссер Александр Сокуров. Описанные трансформации героя книги от подростка, желающего отомстить, к философу, прощающего своих гонителей, позволяют Кизито Михиго сформулировать ряд важных мыслей, которые я бы назвал приближающимися к общечеловеческим истинам, а не просто элементами субъективной «правды». Приведу некоторые из них:

«Для меня «патриотизм», если он, конечно, существует, это не власть и не сила, которая есть у страны, но это выбор посвятить свою жизнь службе своему Отечеству. Тот, кто думает, что военные любят свою страну больше, чем певец, который посвящает свои произведения делу примирения, смещит меня. Это так же, как считать, что священники и монахини служат Богу больше, чем женатые мужчины и женщины. Можно служить стране различными способами, точно так же как можно служить Богу различными способами» (с.86) На фоне высокой степени религиозности самого Михиго это высказывание демонстрирует его весьма широкий взгляд на жизнь, способность выходить за рамки узкой религиозной доктрины.

«В мире живет много людей, которые не являются руандийцами, но в руандийце вы не найдёте ничего такого, что не было бы человеческим. Это говорит о том, что наши человеческие качества превосходят нашу национальную идентичность. Если я четко и ясно утверждаю, что я руандиец, и это заглушает голос, которым я провозглашаю свою человеческую сущность, моя речь не будет благосклонно воспринята конголезцами. Это может создать дистанцию и усилить тенденции, которые могут испортить наши братские отношения. Да, я руандиец, это факт, и я горд этим, но я хотел бы, в первую очередь, чтобы не руандийцы знали и чувствовали, что-то общее, что нас объединяет – человечность, гораздо больше и существенней, чем наша национальная идентичность. Я искренне думаю, что китаец, американец, француз, русский, сириец или житель Центральной Африки – все братья по человечности. Наши различные национальности и культуры есть лишь различные

цвета, которые украшают наш прекрасный и большой дом – человечество.» (с. 87) Могу полностью подписаться под текстом, какой-бы культурный (социальный, политический) идентификатор не стоял на месте «руандийца». В то же время нужно понимать, что для разобщенного общества (хуту/ тутси) уже и само понятие «руандиец», объединяющее их — это движение в правильном направлении на пути к конечной идентификации – Человеку.

Некоторые из высказываний автора весьма афористичны: «...Если разделять умерших, то никогда не примиришься с живыми» (с. 93), «Величие политика измеряется его человечностью, а не его властью (с. 142) В принципе, далеко не все афоризмы и крылатые слова на самом деле являются научными истинами, и не очень правильно рассматривать их как математические аксиомы. Но за этими словами Михиги очевидно стоят гуманистические убеждения, которые не всегда побеждают, но без которых мир был бы еще хуже.

«В хоре, состоявшем не только из осужденных за геноцид, но и из выживших в геноциде, не было ни хуту, ни тутси, во всяком случае, я убежден, что это действительно так; мы были людьми, претерпевавшими одну муку, которые больше не обвиняли друг друга, но делили между собой одну надежду. (с. 159) Хотелось бы, чтобы ситуация, описанная в данном фрагменте, распространялась не только на тюремный хор в Кигали, но и на всю Руанду, а, в принципе, и на многие другие страны и регионы. У всех есть за что просить прощение и простить: если у каких-то стран объективно не существует причин просить прощения, например, за годы работорговли и рабовладения, это не означает, что у них нет своих темных пятен в истории.

Закончить свой комментарий я бы также хотел словами Кизито Михого, и, как я уже писал выше, все сказанное им может относиться не только к Руанде, но и ко всем странам, где существуют проблемы, а поскольку проблемы (хоть и разной степени остроты) есть везде, то просто ко всем странам:

Я надеюсь всем сердцем, что однажды Руанда станет правовым государством, и журналистские расследования будут проводиться без противодействия, без угроз, без цензуры и без преследований. Где неправительственные организации будут работать без желания понравиться властям. Где активисты по защите прав человека и других прав будут работать без страха быть преследуемыми, без угроз, запугивания и объявления их врагами страны. Где свобода выражения гарантирована, где певец может критиковать правительство и может выражать свое мнение без страха быть похищенным, убитым или заключенным в тюрьму. Страна, где демонстрации против правительства – это

фундаментальное право. Я надеюсь, что Руанда станет тем местом, где каждый гражданин будет знать, что **человеческая жизнь – это самое священное на свете.**» (с. 199-200)

А.Ю. Желтов (СПбГУ)